
*Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается с мужем,
уж тот не намерен, конечно,
с любовником тайно бежать.
Иначе зачем тратить сахар,
и так ведь с любовником сладко,
к тому же в доме его тесно
и негде варенье держать.*

*Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается долго,
во всяком уж случае зиму
намерен пере-зимовать.
Иначе зачем ему это,
и ведь не из чувства же долга
он гробит короткое лето
на то, чтобы пенки снимать.*

*Кто варит варенье в июле
в чаду на расплавленной кухне,
уж тот не уедет на Запад
и в Штаты не купит билет,
тот будет по мёртвым сугробам
ползти на смородинный запах...
Кто варит варенье в России,
тот знает, что выхода нет.*

*У, Москва, калита татарская:
и послушлива, да хитра,
сучий хвост, борода боярская,
сваха, пьяненькая с утра.
Полуцарская – полуханская,
полугород – полусело,
разношёрстная моя, хамская,
зла, как зверь, да красна зело.*

72

*Мать родная, подруга ситная,
долгорукая, что твой князь,
как пиявица ненасытная:
хрясь! – и Новгород сломлен – хрясь!
Всё её – от Курил до Вильнюса –
эк разъела себе бока!
То-то Питер пред ней подвинулся:
«Да уж, мать моя, широка!»*

*Верит каждому бесу на слово
и не верит чужим слезам:
Магдалина, Катюша Маслова,
вся открытая небесам.
И Земле. Потому – столичная,
то есть общая, как котёл.
Моя бедная, моя личная,
мой роддом, мой дурдом, мой стол.*

...Богоданная, как зарница,
рукотворная, как звезда,
дорогая моя столица,
золотая моя орда.

* * *

Всё не только пройдёт,
но, пройдя, будет мило –
вспомним нынешний год:
спички, гречку и мыло.
Вспомним эту чуму,
вспомним эту холеру,
как сидели в дому,
испытываясь на веру.
Вспомним эту весну,
её май без парада,
вспомним злую длину
карантинного ада,
где впервые вдвоём
в целом свете мы были.
Предлагал ты: «Споём!»
И мы пели и пили.
Предлагал ты: «Уснём!»
И мы спали в обнимку.
О, мы вспомним о нём,
как о лете, – по снимку.
Не хандра и не сплин –
год, где были с тобой мы,
где был всяк не один,
но как пуля в обойме.

* * *

А женщине чего бояться?
Она не царь и не народ.
Ей Пасхи ждать и красить яйца
и не загадывать вперёд.

Где страх уста мужчине свяжет,
где соблазнит мужчину бес,
там женщина придёт и скажет
Тиберию: «Христос воскрес!»

* * *

Карантинной Москвою мы шли с тобой,
и была она до того пуста,
точно вот откопали её, как Трою,
и оставили до рождества Христа.
Карантинной Москвою с тобой шли мы,
той, где некого было и нечем крыть,
и казалось, что только что был тут Шлиман,
да ушёл на минуточку: покурить.

И лежала от края она до края,
окружала со всех четырёх сторон.
И взметнулась внезапно воронья стая,
и обрушился колокольный звон.
И подумалось, глядя на эту стаю,
что вот-вот архангел сойдёт с небес
и возьмёт с собою – куда, не знаю,
без манаток и объяснений без.
И закапали слёзы, как дождь несчастный,
и архангел сошёл-таки вниз, трубя,
и я знала: не быть мне уже несчастной
никогда – ни с тобой, ни без тебя...

* * *

Рай – это так недалеко...
Там пьют парное молоко,
там суп с тушёнкою едят
и с Дантом за полночь сидят.
Там столько солнца и дождей,
чтоб вечно алы были маки.
Рай – это там, где нет людей,
а только дети и собаки.

* * *

У меня, как у всех, нынче есть свой e-mail,
нынче есть, как у каждой собаки, мобила.
Но кто письма писал, тот теперь онемел,
и ушёл, кто звонил и кого я любила.

И уходит день за день земля из-под ног,
мои дети уходят, свои и чужие.
Только вскрикнешь по-бабьи:

«Куда ты, сынок?..»

А они всё идут – все такие большие.

Даже буквы срываются нынче с листа
и летят, словно клин, а потом –
словно точка...

Я стою на ветру, я совсем сирота,
одиночка ли мать, капитанская ль дочка,

хоть горшком назови, хоть совком –
не боюсь:

я как мёртвый, который не ведает сраму.

...А ночами мне снится Советский Союз,
тот,

где мама моя моет вечную раму.

* * *

Учёбой ли, в тимуровцы игрый
охвачена, – была я всюду первой.
Отличницей. Общественницей. Стервой.
Меня не научили быть второй.

*Остановить бы тройку на скаку,
спросить: «Куда, родимая, несёшься?..»
Что первенством от смерти не спасёшься,
я знаю. Чем спасёшься, не секу.*

*Переборов ребяческую прыть,
живу неспешно, то есть драматично,
предпочитая не демократично,
а царственно решать, куда мне плыть.*

*...И мне уже не страшно быть второй.
И пятой. И десятой. И последней.
Да, может, тот бессмертней,
кто бесследней,
и тот первой, кто замыкает строй.*

** * **

*Цветёт черёмуха, а значит,
похолодание грядёт,
и во дворе ребёнок плачет
который день, который год:
он чувствует, что очень скоро
наденут шапку на него –
его предупреждает флора,
признав в ребёнке своего.
Ребёнок – он ведь только почка,
потом – яйцо,
потом – птенец,
потом зверёк –
и здесь не точка! –
и вот он ангел, наконец!*

